

ДОРОГА В РОССИЮ?! (ВТОРАЯ ВОЛНА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ: ИВАН ЕЛАГИН)

© Чернышева Е.С.

Донской Государственный Технический Университет,
г. Ростов-на-Дону

О второй волне русской эмиграции мало что известно неискушенному читателю, однако и она нуждается в исследовании и освящении. Причиной отсутствия информации о данном явлении в первую очередь является то, что этот поток эмиграции породила вторая мировая война: граждане не хотевшие признавать советское господство, некоторые из которых целенаправленно взяли в руки оружие для борьбы с советской властью; люди, ушедшие с немецкими эшелонами на запад, а также насильственно вывезенные фашистами с захваченных территорий в Германию в качестве рабов; военнопленные, возвращение которых неминуемо превращалось в автоматическое заключение в лагерь или в тюрьму. Можно согласиться, что изгнанников, захотевших «глаголом жечь сердца людей», среди них, по сравнению с «первой волной», не так уж много. Но каждый вздох Ивана Елагина, Николая Моршена, Дмитрия Кленовского и др. наполнен такой горечью изгнания, что невозможно не откликнуться. «История русской эмиграции знает немало ужасающих, порой неопишуемых случаев страданий и гибели от тоски по Родине» – так писал Ю. Мамлеев об участии эмигранта. Поэтическое наследие «второй волны» представлено шире, нежели прозаическое. Наиболее ярким его представителем является Иван Венедиктович Елагин (Матвеев) (1918-1987).

В основе художественного творчества Елагина – многообразие самой жизни, трагический опыт прошлого столетия, преломившийся в собственной творческой судьбе, богатство русской поэтической классики XIX – начала XX века. Основные мотивы его лирики – жизненные испытания, долгие дороги войны, тоска по родине, боль утрат, жизнь и смерть, природа и любовь, судьбы искусства и его творцов.

На чужбине Елагин ощутил потерянность, сиротство и неприютность человека в бесконечном чуждом пространстве, у которого, по словам В.И. Коровина, «обрублены концы» [1]. Личная трагедия, пережитая каждым из покинувших родину – утрата родины, сознание исторической катастрофы, происшедшей в Отечестве, не могла не сказаться на мироощущении поэта, а, следовательно, неизбежно наложила отпечаток на характер

художественного творчества, которое всегда выступало объединяющим и торжествующим началом. Лирический герой Елагина теряет живую связь с прошлым, настоящим и будущим. Так и многие писатели, и поэты, став изгоями на родине, видели свою миссию в сохранении духовных ценностей русской культуры и миропонимания, пусть даже и за рубежом. Потеряв связь с отчим домом, Иван Елагин находит единственную опору в бесконечной памяти и служении искусству. Критика единодушно называла его первым поэтом второй волны русской эмиграции. Светлая и в то же самое время горестная память об оставленной родной земле, мечта о воссоединении с отчим домом – вот те контрапункты, которыми пронизаны стихи Елагина.

Мы вернемся, если будем живы,
Если к дому приведет Господь [2, т.1, с.136].

Эти строки одного из ключевых стихотворений – «Родина! Мы видели так мало...» – вошли в первый сборник поэта «По дороге оттуда» (1953). В стихах о родине все окрашено в трагические тона, так как:

Даже ивы, как самоубийцы,
С насыпи бросались под откос [2, т.1, с.136].

Первый большой стихотворный сборник «По дороге оттуда» Иван Елагин выпустил в 1953 году в Нью-Йорке. Исключительность данного печатного фолианта и «рискованность», по мнению Романа Гуля состоит в том, что сборник включает «все стихи поэта, это как бы «полное собрание сочинений» [3]. А также необходимо заметить, что стихи Ивана Елагина не датированы, кроме «О, нет ни гнева, ни обиды...» 1939 и поэтому трудно проследить эволюцию взросления авторской личности, можно предположить, что Елагин намеренно не ставил даты написания стиха, подчиняя структуру сборника сверх замыслу.

Идея движения присуща русскому национальному характеру. Неслучайно мотивы пути являются традиционными для русской культуры и литературы, в частности, можно вспомнить целый ряд произведений, в которых идея движения является главенствующей: «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева, «Евгений Онегин» А. Пушкина, «Герой нашего времени» М. Лермонтова, «Кому на Руси жить хорошо» Н. Некрасова, «Очарованный странник» Н. Лескова и другие.

Заглавие, является ли оно названием прозаического или стихотворного текста, закладывает в себя смысл, служащий путеводной звездой для читательского понимания. В случае сборника «По дороге оттуда» автор заявляет о тематических мотивах, с одной стороны, открыто – это мотив

дороги и пути, а, с другой, выявляет их через табуированное местоименное наречие «оттуда», таким образом, он отсылает читателя к святой святым своей души. Само название книги содержит многоголосье авторского набата по темам и проблемам, которые гнетут поэта, оно охватывает весь жизненный путь поэта. Таким образом, присутствие мотива пути эксплицитно свидетельствует о значимости для понимания всего сборника поэта.

Существует несколько уровней понимания названия сборника «По дороге оттуда».

Дорога имеет направление, движение, временной отрезок, пространственную точку. Таким образом, можно предположить, что «Дорога» нечто иное как «хронотоп». Что касается понятийного наполнения слова «дорога» то необходимо обратиться к М.Бахтину, по мнению исследователя «Дорога» – преимущественное место случайных встреч. На дороге («большой дороге») пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути многообразнейших людей – представителей всех сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей, возрастов. Здесь могут случайно встретиться те, кто нормально разъединен социальной иерархией и пространственной далью, здесь могут возникнуть любые контрасты, столкнуться и переплестись различные судьбы. Здесь своеобразно сочетаются пространственные и временные ряды человеческих судеб и жизней, осложняясь и конкретизируясь *социальными дистанциями*, которые здесь преодолеваются. Это точка завязывания и место совершения событий. Здесь время как бы вливается в пространство и течет по нему (образуя дороги), отсюда и такая богатая метафоризация пути и дороги: «жизненный путь», «вступить на новую дорогу», «исторический путь» и проч.; метафоризация дороги разнообразна и многопланова, но основной стержень – течение времени» [4].

Пути дороги лирического героя плавно переходят в жизненный путь, то приближая его к заветному месту, то удаляя его; то направляя его в определенную точку, то возвращая назад.

Оттуда – местоименное наречие, которое имеет как местоимение указательное значение, а как наречие обозначает признак предмета, поэтому слова данной части речи имеют обобщенное значение, которое конкретизируется контекстом. Можно выделить следующие вариативные нагрузки понятия «оттуда»:

- в слове «оттуда» имеется корень «туда», который выражает, согласно Толковому словарю, «*в то место, в ту сторону, в то направление*» [5];
- однако, «оттуда» обозначает и *из того* или *от того места*.

Проанализировав толкование местоименного наречия «оттуда», видна цикличность движения, на лицо так называемый принцип «бумеран-

га» – действие, поступок обращается на самого того, от которого оно исходит, туда и обратно.

Эго лирического героя Елагина постоянно перемещается и стоит на перекрестке двух дорог в разных плоскостях:

- горизонтальный бумеранг – из России на чужбину, а будучи на земле-мачехе в мечтах стремится на родину;
- вертикальный бумеранг – от земной жизни к космической, выраженной «седым поэтом» и звездной феерией, и решением для самого себя вечных вопросов.

Функционирование чрезвычайно значимого мотива пути в творчестве художника во многом определяется мифопоэтическими традициями.

Топоров В.Н. определяет признаки пространства в архаичной модели мира:

- «Оно (пространство) всегда заполнено и всегда вечно; вне вещей оно не существует» [6, С. 340];
- пространство неразрывно связано со временем и мыслится как «здесь и сейчас», таким образом, пространство и время образуют единство – хронотоп;
- пространство отделено от не-пространства;
- высшей сакральной ценностью пространства, обозначенной алтарем, храмом, крестом, древом мировым, мировой осью и т.д. является центр. К центру от периферии ведет путь. «Движение по пространству к центру подтверждает действительность-истинность самого пространства, «пробегаемого» этим путем, и, главное доступность каждому узнать пространство, освоить его, достигнуть его сокровенных ценностей». [6, С. 341].

Само движение воплощает идею доступности каждому узнать свой путь, «освоить его, достигнуть его сокровенных ценностей», победа героя «обозначает освоение пространства, приобщение его к космизированному и организованному «культурному» пространству» [6, С. 341].

Мотив пути, обладая столь значимым понятийным наполнением, активно репродуцировался в художественном творчестве различных эпох и писателей. Но во все времена передвижение по дороге воспринималось не буквально. Лотман Ю., например, отмечал, что «в масонской литературе XVIII в. географическое поле значений было полностью заменено нравственным, и сюжет о перемещении в географическом пространстве воспринимался как аллегория нравственного возрождения» [7, С. 114].

Как отмечает В. Я. Пропп, «в сказке и в эпосе действие очень часто начинается с того, что герой выезжает из дома. Путь героя как бы представляет ось повествования. Это – древнейшая форма композиции. Повествование кончается либо возвращением героя домой, либо прибытием его в иной город или иную землю» [8].

Необходимо разграничить, казалось бы, два синонимичных понятия «дорога» и «путь». Ю. М. Лотманом даны определения двум понятиям «путь» и «дорога». «Дорога» – некоторый тип художественного пространства, «путь» – движение литературного персонажа в этом пространстве. «Путь» есть реализация (полная или неполная) или нереализация «дороги» [7, С. 656]. И продолжает, что «с появлением образа дороги как формы пространства формируется и идея пути как нормы жизни человека, народов и человечества» [7, С. 657].

Путь есть постоянное движение, по мифологическим восприятиям, всегда к центру, который может восприниматься в качестве алтаря, храма либо дома. Это объясняется тем, что пространство (относительно безопасное для человека) противоположно не-пространству (враждебное людям), космос противостоит хаосу как последующее – предыдущему, мир – пустоте. Пространству надлежит быть познанным, пройденным и освященным, для чего эпический, сказочный, литературный герой продлевает путь – притом весьма окольный. Каждый шаг его символичен (мост, пещера, ворота, перекресток, гора, лес, болото – всюду преодолевается некая граница между «своим» и «чужим», делается выбор между истинным и ложным) и не случайно.

Возникает вопрос, что же является путем, с помощью которого пространство осваивается, и с помощью которого же путешественник – герой произведения или автор – проходят свою инициацию? Этот путь – обретение или приобщение к вечному знанию или вечности. С одной стороны, пространство является материалом для пути, местом, где происходит раскладка движения; с другой стороны, путь собирает и организует пространство. Путь – это инициация, постижение неких тайн бытия и сознания, то есть изменение себя, получение знаний о себе самом, преодоление неизвестности и страха неизвестности, но при этом жажда чего-то нового, неведомого, бурлящего, бунтующего. Самое главное – не отклоняться от этой нити.

Таким образом, путь является перемещением в пространстве души спроецированным на географическую составляющую. А выбор стратегии движения равен выбору, связанному с умственной, нравственной, психической деятельностью человека. Топографический выбор равен выбору этическому.

Движение всегда имеет направление, с древнейших времен мотив пути оказывается неразрывно связанным с мотивом дома. Основой такого двуединства служит пространственная организация модели мира, в которой находится нетленная оппозиция космоса и хаоса.

Дом – это один из основополагающих символов культуры. Дом – важнейший кирпичик в строительстве картины мира у человека. Дом не материальное строение, напичканное вещами и предметами, сколько отраже-

ние этического, эстетического, психического состояния и восприятия человека в объектном мире. А следовательно, дом есть некое освоенное пространство человеком. Дом есть некая проекция окружающего мира сквозь человеческую «абсорбцию» (поглощение), чувствительность и восприимчивость. Дом – феномен культуры.

Нельзя не забывать, что в мировоззрении древних славян дом выступает как средоточие основных жизненных благ человека, духовных и материальных; является универсалией, наделенной идеей о семье, родстве, близких людях, предшествующих поколениях, о любви и заботе, о личностном начале. В разговорной речи слово «дом» зачастую характеризует хозяина строения («надежный дом», «веселый дом», «добрый дом», «ученый дом», «гостеприимный дом»); может дать оценку семейному древу («из хорошего дома»); выявить принадлежность к какой-либо династии («дом Романовых»).

«Писатель – растение многолетнее. ... Душа писателя расширяется и развивается периодами, а творения его – только внешние результаты подземного роста души. Поэтому путь развития может представляться прямым только в перспективе...» [10, С. 369-370] – говорил Блок в статье «Душа писателя» (1909). И продолжил, что «первым и главным признаком того, что данный писатель не есть величина случайная и временная, – является чувство *пути*» [10, С. 369]. Все эти измышления творческой философии Блока можно примерить и для поэтических воззрений Ивана Елагина.

Список литературы:

1. Русские писатели 20 века: Биографический словарь / Гл. ред. И сост. П.А. Николаев. Редкол.: А.Г. Бочаров, Л.И. Лазарев и др. – М.: Большая Российская Энциклопедия; Рандеву – А.М. 2000. С. 258.
2. Елагин И. Собрание сочинений: В 2 т. Составл., подготовка текста, вступит. Статья, примеч. Е. Витковского. – М.: Согласие, 1998.
3. Гуль Р. Иван Елагин. По дороге оттуда //Новый журнал.- 1954.- №36. – с. 319.
4. Бахтин М.М. Эпос и роман. – Спб.: Азбука, 2000., с.177-178.
5. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры; – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1995., с.804.
6. Топоров В. Н. Пространство // Мифы народов мира: В 2 т. – Т. 2.- М., 1982.- с.340-342.
7. Лотман Ю.М. О русской литературе: Ст. и исслед. (1958-1993): История рус. прозы. Теория литературы / Вступ. ст. И.А. Чернова; Сост.: Н.Г. Николаюк, О.Н. Нечипуренко. – СПб.: Искусство, 1997.

8. Пропп В.Я. Поэтика фольклора (собрание трудов В.Я. Проппа). – М 1998, с. 310.

10. Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т./ Под общ. Ред. В.Н. Орлова и др. М.Л.: Гослитиздат, 1960-1963. Т.V.